

БУНИНЪ И ТОЛСТОЙ.

Вся исторія литературы, какъ и прочихъ искусствъ, можетъ быть разрабатываема какъ исторія безконечныхъ и непрерывныхъ «плагіатовъ», — хотя терминъ этотъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ совершенно неумѣстенъ и даетъ ложное понятіе о положеніи дѣла. Всякій истинный художникъ беретъ, говоря словами Лафонтена, свое добро оттуда, гдѣ онъ его находитъ, и элементы чужихъ созданий для него такой же матеріалъ для его собственнаго творчества, какъ и впечатлѣнія жизни; усвоенные имъ, они становятся его собственностью. Но есть различные способы пользованія такимъ матеріаломъ, одинаково, впрочемъ, законные, — ибо безъ этого нельзя вообще представить себѣ развитія искусства. Художникъ можетъ взять у другого какую-нибудь деталь, не заботясь о цѣломъ, и всадить ее въ свое произведеніе, въ новое цѣло, гдѣ она оказывается столь-же у мѣста. Такъ сплошь да рядомъ поступалъ Пушкинъ, оказывая при этомъ одинаковую честь различнымъ поэтамъ, — малымъ какъ и великимъ. Такъ онъ вырѣзалъ изъ одной «Думы» Рылѣва «палача съ засученными рукавами» для своей «Полтавы»; слова донны Анны «...слезы съ улыбкою мѣшаю, какъ апрѣль» — парафраза словъ Джентильчана въ «Королѣ Лирѣ» (о Корделіи): «Вы видѣли одновременно солнечный свѣтъ и дождь; ея улыбка и слезы напоминали прекрасный майскій день». Но чаще дѣло обстоитъ сложнее. Чужое произведеніе — цѣликомъ-ли, или въ въ отдѣльныхъ частностяхъ, служитъ для художника темъ о, изъ которой органически, творчески преображаясь, вырастаетъ его собственное, такъ, однако, что «родимыя пятнышки», выдающія происхождение, сохраняются. Что касается исторіи современнаго романа, можно было бы привести немало примѣровъ этого; можно было бы показать, какъ изъ «Преступленія и Наказанія» вышла «Ватиканскія Подземелья» А. Жида, а изъ его-же «Фальшивомонетчиконъ» — «Контрапунктъ» А. Хёксли. Такъ именно романъ «Мисс Воуагу» развилась въ «Анну Каренину». И такъ же точно изъ толстовскаго «Дьявола» вышла «Митина Любовь». Вотъ два, бывшихъ въ глаза, «родимыхъ пятна». Старостя собирается Митю, подсмѣивается надъ нимъ за то, что онъ «своемъ монахомъ живется», и предлагаетъ свести его съ дѣвкой. Ср. въ «Дьяволѣ» разговоръ о томъ-же предметѣ Иртенева съ охотникомъ Данилой Разица за что тѣмъ шпіціана исходить въ

«героя». Далѣе: первая встрѣча Иртенева съ женщиной, съ которой его свелъ Данила:

«Цѣлый день онъ былъ не свой; на другой день въ 12 часовъ онъ пошелъ къ караулкѣ. Данила стоялъ въ дверяхъ, и молча, значительно кивнулъ головой къ лѣсу. Кровь прилита къ сердцу Евгенія, онъ почувствовалъ его и пошелъ къ огороду. Никого. Подошелъ къ банѣ, — никого; заглянулъ туда, вошелъ, и вдругъ услышалъ трескъ сломленной вѣтки. Онъ оглянулся, она стояла въ чашѣ за овражкомъ. Онъ бросился туда черезъ оврагъ. Въ оврагѣ была крапива, которой онъ не замѣтилъ. Онъ острекался и, потерявъ съ носа пенснэ, выбѣжалъ на противоположный бугоръ. Въ бѣлой вышитой занавѣскѣ, красно-бурой паневѣ, красномъ яркомъ платкѣ, съ босыми ногами, свѣжая, твердая, красивая, она стояла и робко улыбалась. — Тутъ кругомъ тропочка, обошли-бы, сказала она. — А мы лавно. Голомя. Онъ подошелъ къ ней и, оглядываясь, коснулся ея.

Черезъ четверть часа они разошлись; онъ нашелъ пенснэ и зашелъ къ Данилѣ и, въ отвѣтъ на вопросъ его: довольны-ли, баринъ? — далъ ему рубль и пошелъ домой».

«Митина Любовь»: Волненіе Мити передъ свиданіемъ съ Аленкой («Митя какъ деревянный выходилъ къ чаю, къ обѣду...»); затѣмъ — его поиски Аленки: «Онъ со страхомъ сунулъся въ шалашъ..., зорко оглянулъ его и почти съ радостью убѣдился, что тамъ еще никого нѣтъ. Но роковой мигъ близился. Сердце... билось страшно. А кругомъ было такъ поразительно тихо, что онъ слышалъ только одно — это бѣненіе... Вдругъ гдѣ-то зади него что-то хрустнуло... Онъ порывисто обернулся. > Передъ нимъ появляется Аленка: «Она была боса, въ одной юбкѣ и въ простой суровой рубахѣ, заправленной въ юбку...» И конешъ свиданія: «... Митя поднялся, совершенно пораженный разочарованіемъ...» Она спрашиваетъ его: «Вы, говорятъ, въ Субботино ѣздилъ. Тамъ попь дешево поросятъ продасть. Правда?»

ТОЛСТОМУ И ШЕКСПИРЪ.

Всѣ эти сопоставленія представляютъ далеко не одинъ только историко-литературный интересъ, ни тотъ, который они, поскольку они свидѣтельствуютъ о по всей вѣроятности безсознательныхъ реминисценціяхъ, могутъ имѣть съ точки зрѣнія психологіи творчества. Они свидѣтельствуютъ о духовной близости сопоставляемыхъ авторовъ. Перестъ нами какъ будио